

Внутри логова культа Искажения занятые культисты почувствовали, как по их телам пронёсся ледяной холод.

Листчес Азари, получивший разрешение зажечь маленький ночник, сидел на краю пещеры. Он, жалко сжавшись на полу, что-то лихорадочно писал в тетради, когда почувствовал этот холод. Лисолюд резко вскочил и охрипшим голосом выкрикнул:

— Это объявленный закон смерти!

С его словами над алтарём, где со свода пещеры свисали корни и буйная растительность, внезапно зашевелились лианы и цветы (хотя никакого ветра не было).

Через несколько секунд дрожащие зелёные листья и лепестки посыпались вниз, устилая землю.

Когда поверхность земли оказалась покрыта растительным ковром, лианы, свисавшие с потолка, уже заметно увяли, а их пока сохранившиеся листья начали желтеть на концах.

— Объявленный закон смерти? — мягко произнёс женский голос, принадлежавший тому, кто ранее вёл сделку с Листчесом. — Ах, да, я тоже почувствовала. До чего же неприятное ощущение. Кроме этого алтаря, защищённого благословением нашей повелительницы, все окружающие «дети» увяли в одно мгновение. Территория, что принадлежала нам, теперь вся превратилась в мёртвую зону. В Шпиневиле у Инеевого Звоноврана нет служителей высокого ранга. Значит, чтобы убить тебя, предателя-директора, Инквизиция отправила целый отряд ритуалистов.

Закон смерти — это заклинание мгновенной смерти, которым могло владеть лишь ограниченное количество высокоранговых членов церкви Инеевого Звоноврана. Но таких было крайне мало, и в Шпиневиле подобных кадров не имелось.

Ведь, в сравнении с городами, построенными у больших некрополей, в Шпиневиле нападения нежити случались редко. У церкви не хватало людей, и они не могли выделить туда сильного служителя.

Одного только апостола Блинецов Диссонанса хватало, чтобы держать в страхе весь город и всех местных культистов.

И если бы не то, что Фельдграу Дуофюр был вынужден оставаться в Инквизиции для охраны «Раковины», культ Искажения никогда не решился бы основать временную базу так близко к станции метро.

А раз высокоранговый служитель Инеевого Звоноврана отсутствовал, значит, только ритуалисты могли совершить ритуал и наложить закон смерти.

Перед тем как атаковать логово культа Искажения, использование объявленного закона смерти для зачистки растений — глаз и оружия культистов — было обычной тактикой Инквизиции.

По сведениям женщины, чтобы провести объявленный закон смерти среднего радиуса действия, требовалось как минимум шесть ритуалистов. Только чтобы совместно начертить столь огромный ритуальный круг, им понадобилось бы более получаса. И то — лишь при условии, что все шесть прошли должную подготовку и не мешали друг другу.

Но Инквизиция обычно не посылала в поле столько ритуалистов сразу.

Собрать их в одном месте — значило бы превратить в лёгкую мишень для культистов.

Очевидно, что побег Листчеса сильно ударил по престижу шпиневильской Инквизиции. Чтобы убить его и сорвать планы культа Искажения, они решились заплатить столь высокую цену.

— Как чудесно, — голос женщины стал ещё более обольстительным. Она вошла в круг света ночника, коснулась пальцем своих пухлых красных губ и, улыбаясь Листчесу, сказала: — Нужно будет найти время встретиться с ними. Может быть, среди них окажутся ритуалисты, похожие на тебя, бывший директор.

Листчес застыл.

Ночник осветил фигуру говорившей. Это была вовсе не хрупкая женщина: на её голове белели тигриные уши с чёрными полосами, а за спиной метался длинный тигриный хвост, разрезающий воздух со свистом. Её одежда, сплетённая из листьев и травяных верёвок, лишь кое-как прикрывала грудь и бёдра, оставляя на виду гладкую кожу и упругие мускулы.

Одним ударом кулака она могла бы раскрошить десяток таких, как Листчес.

Но при этом тигролюдка оставалась ослепительно красивой: её улыбка затопляла разум жгучим желанием, лишая человека рассудка и оставляя лишь голые инстинкты.

Это была Явора Бенгаль, глава культа Искажения Шпиневилля.

Пусть она выглядела и молодой девицей, и зрелой женщиной одновременно, но Листчес знал: ей уже стукнуло шестьдесят семь лет.

В культе Искажения Шпиневилля многие бенгальские тигролюды являлись её прямыми детьми.

Листчес лучше других понимал, насколько она опасна. Он не поддался её чарам, но всё же неловко отвёл взгляд, стараясь избежать столкновения с её обжигающей красотой.

Он несколько раз кашлянул, прежде чем заговорил:

— Сейчас ритуалисты Шпиневилля слишком молоды и потому слишком преданы вере. Ты вряд ли сможешь их соблазнить.

— Ну и что? — улыбка Яворы стала шире, белоснежные зубы сверкнули в свете. — Когда мы встретились впервые, ты тоже был молод и столь же непоколебим в вере.

Издав сиплый смешок, старый лис тяжело задышал.

Листчес совершенно не желал больше говорить с этой женщиной, поэтому он снова склонился над своей тетрадью, продолжая подсчёты.

В то же время его мысли вернулись к сказанному ею: «Инквизиция отправила целый отряд ритуалистов».

Ритуалистов всегда не хватало. Не говоря уже о том, как раскрыли его инсценированную смерть — раз уж её разоблачили, значит, все его бывшие подчинённые, коллеги и друзья из ритуального подразделения попадали под допрос и наблюдение. Ведь если бы среди них оказались завербованные им агенты, то те, отправленные на «поимку», могли на деле оказать ему помощь.

Перебросить ритуалистов из прочих отделений тоже было нелегко: в каждом филиале едва ли имелось по одному-двум ритуалистам, и они не проходили совместных тренировок для крупных ритуалов, как это делалось в центральном отделении.

«Такого быть не должно. Этот ритуал объявления закона смерти просто не мог появиться здесь».

В сознании старого лиса всплыл человеческий силуэт.

— Невозможно... — пробормотал он. — Ритуальный круг для объявленного закона смерти нельзя же упростить...

«Или всё-таки можно?..» — спросил самого себя Листчес. Он ведь знал, каким гением являлся Линь.

Ту статью — «Минимализация и сверхминимализация средних ритуальных построений» — Листчес перечитывал много раз. В ней находилась систематизация некоторых средних ритуальных кругов, отмечались их сходства, проводились вычисления, подробно объяснялось, какие части ритуального круга можно было сократить и каковы будут последствия таких сокращений.

Наконец, в статье также приводились примеры того, как при уменьшенном ритуальном круге можно сокращать материалы, участников обряда, молитвы Божественным Столпам.

Ритуалы делились на большие, средние, малые и ультрамалые по такому принципу: если в проведении участвовало более семи человек — это был большой ритуал; от семи до двух — средний ритуал; один человек — малый ритуал. А если ритуальный круг являлся настолько малым, что ритуалист не мог встать в него обеими ногами, а молитва сокращалась до нескольких слов или вовсе становилась ненужной — это был ультрамалый ритуал.

Согласно данной классификации, обычный ритуал объявления закона смерти относился к средним. Однако его можно было превратить и в большой ритуал, увеличив число участников.

Хотя, по пониманию Листчеса, исходя из той статьи, объявленный закон смерти не входил в число ритуалов, допускающих сокращение, Линь уже использовал в деле ритуалы, не описанные в статье. Это означало, что менее чем за полгода его теория претерпела очередной прорыв и обновление.

«Жаль, что он не сдал новую работу раньше, — с сожалением подумал Листчес. — Нужно было выделить ему больше времени и попросить дописать статью. Если это действительно он...»

Рука Листчеса замерла на полуслове, потом он перевернул страницу и начал новую формулу.

Но стоило ему сосредоточиться, чтобы просчитать следующий ритуальный круг, как резкий, пронзительный крик оглушил его, отчего старый лис едва не выронил ручку.

Он поднял голову, и его седые, с поредевшим мехом уши и хвост встали дыбом.

В полумраке, различимом благодаря его сумеречному зрению, он увидел, как культисты втащили в пещеру десяток женщин, пойманных неведомо где. Все они находились без сознания — старые и молодые. Их бросили на землю.

Лишь одна, совсем юная, была обнажена и уложена лицом вверх на опавшие листья. Один из культистов поднял кинжал с пазом на лезвии и вонзил его ей в живот.

Прямо в матку.

Люди, окружившие её, заслоняли вид, но среди них ярко выделялась стоящая в центре белошёрстная тигрица с чёрными полосами — Явора Бенгаль.

Она пропела:

— Оскверни эту льющуюся чистую кровь.

Девушка очнулась от боли и пришла в ужас, чувствуя, как внутри неё колотится обжигающе горячее сердце. Кровь вытекала из её тела. Она пыталась сопротивляться, но сил уже не оставалось.

Явора улыбнулась, протянула руку к кинжалу, вонзённому в матку жертвы, а затем вскинула обе руки вверх.

Все культисты вокруг тоже вскинули руки. Поднятые конечности, подобные стволам деревьев, образовывали лес. Девушка, лежавшая на листьях, побледнела как мрамор и закричала ещё пронзительнее. В этот миг кинжал, пронзающий её утробу, начал подниматься всё выше и выше, поднимаясь над лесом рук. Затем он принялся разрастаться, выпуская множество ветвей.

Клинок состоял из дерева.

Будучи частью мёртвого растения, он тоже должен был оставаться мёртвым, но теперь ожил вновь: на его ветках пробивались почки, колыхались и распускались молодые листья.

Корни же устремились не вниз, к почве, а в стороны — из разорванных, гниющих тканей тела, в поисках новых жертв среди прочих неподвижных тел.

Опять раздались крики.

Листчес отвёл взгляд. Его спина ссутулилась ещё сильнее, но рука продолжала двигаться по бумаге.

Теперь пути назад уже не существовало.

Культисты не испытывали ни малейшего сострадания при виде этой жестокой картины — напротив, их лица становились всё более фанатичными. Под руководством Яворы они хором и поодиночке тянули молитвы, вызывая новые ростки и растения. Огромные цветы раскрывались, источая густой аромат, который смешивался с кровавым смрадом и делал воздух зала сладостным, опьяняющим.

Растительность разрасталась всё быстрее, переплетаясь и заслоняя свод пещеры.

Листва шелестела. На её края легло серебристое сияние, словно нисходящее свыше.

Некоторые культисты под этим светом впадали в безумные пляски, другие — напротив — затихали.

Явора, поднявшая руки к небу, сомкнула их, и лунный свет стёк к ней в ладони.

Там возникла пластинка величиной с ноготь, с внутренней стороны розовая, снаружи покрытая тонкими жёлто-белыми линиями. Она была твёрдой, переливалась радужным блеском и имела неровные края.

Глаза Яворы расширились.

Она заплакала от восторга и воскликнула:

— О, повелительница, благодарю за дар!

Тем временем Линь, только что вновь присоединившийся к Песнелету и Ходогоре, внутри весь похолодел.

Он снова услышал шелест прибоя.

В отличие от того мощного шума, что накатывал на него у маленькой двери в коридоре рядом с главным залом центрального отделения, теперь этот звук казался тихим, далёким. Но Линь был уверен: оба раза в его ушах звучал голос одного и того же океана.

Океана, чьё дно устилали кораллы и морские анемоны; океана, усеянного несчётными раковинами.

Богиня звала его...

Нет. Не так.

Линь внезапно осознал истину:

Это он сам жаждал богиню.

<http://bllate.org/book/12612/1119968>